

Б. И. КОВАЛЬ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БРАЗИЛИИ В ПЕРИОД МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1929—1933 ГОДОВ

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел во многих капиталистических странах, в том числе и в странах Латинской Америки, к резкому обострению классовых противоречий и значительной перестановке политических сил. В крупнейшей из латиноамериканских стран — Бразилии — в эти годы резко усилилось массовое революционное общедемократическое движение, широко развернулась борьба рабочих и крестьян против буржуазно-помещичьей эксплуатации.

Между тем буржуазные ученые, занимающиеся историей Бразилии этих лет, как правило, ограничиваются показом политической борьбы в лагере самих правящих классов Бразилии, причем и это делают не всегда добросовестно. Что же касается движения народных масс, то они либо замалчивают, либо умышленно искажают борьбу рабочих и крестьян, деятельность бразильских коммунистов. Вместо глубокого анализа событий буржуазные историки, особенно американские, фальсифицируют действительность и всячески восхваляют вооруженный переворот, совершенный в октябре 1930 г. буржуазно-помещичьей группировкой «Либеральный альянс», во главе которой стоял Варгас. Например, американский историк Генри Альберт Филлипс утверждает, что режим, установленный в результате переворота, был «настолько вдохновенным и проникновенным, настолько выразительным и конструктивным, что создал новый народ с новым мировоззрением»¹. Подобные же высказывания можно найти в работах Д. Джобина, Г. Херинга, К. Левенштейна, М. Кука, Г. Тавареса де Са и других буржуазных историков².

Ошибочная оценка характера классовой борьбы в Бразилии встречается также и в работах отдельных прогрессивных историков. Так, видный демократический деятель Бразилии Абгуар Бастос, написавший интересную и во многом правильную книгу «Престес и социальная революция», ошибочно трактует реакционный переворот Варгаса как «республиканскую, антиолигархическую и антиплутократическую революцию», которая якобы завершила собой весь период «либеральной революции», развивавшейся в Бразилии, по мнению Бастоса, с 1922 по 1930 г.³

В задачу настоящей статьи входит прежде всего попытаться воссоздать как можно полнее картину массового революционного движения в Брази-

¹ H. A. Phillips. Brazil. Bulwark of Inter-American Relations. New York, 1945, p. 118.

² См. D. Jobin. A Experiencia Roosevelt e a Revolução Brasileira. Rio de Janeiro, 1940; H. Herring. Good Neighbors. Argentina, Brazil, Chile. London, 1942; K. Loewenstein. Brazil under Vargas. New York, 1942; M. L. Cooke. Brazil on the March. New York, 1944; H. Tavares de Sá. The Brazilians. People of Tomorrow. New York, 1947.

³ A. Bastos. Prestes e a Revolução Social. Rio de Janeiro, 1946, p. 213.

лии в 1929—1933 гг., замалчиваемого буржуазными историками, а также показать несостоятельность вышеприведенных оценок политической борьбы буржуазно-помещичьих группировок за власть в Бразилии в годы мирового экономического кризиса и вскрыть истинный характер так называемой «либеральной революции» 1930 г.

* * *

Бразилия относится к таким странам мира, в которых зарождение и развитие капиталистических отношений началось сравнительно поздно и проходило в крайне невыгодных экономических и политических условиях господства крупного феодального землевладения и зависимости от других более сильных стран.

Еще в XIX в. английские империалисты фактически лишили Бразилию подлинной самостоятельности, опутав ее сетями финансовой и политической зависимости. Соединенные Штаты Америки усиленно соперничали с английским капиталом, укрепившимся раньше них в этом районе. Экспансия американского капитала в Бразилию особенно усилилась в период первой мировой войны и в последующие годы. Накануне кризиса 1929—1933 гг. Соединенные Штаты поглощали 42,2% всего экспорта Бразилии (доля Англии составляла 6,5%) и ввозили в Бразилию до 30,1% всех импортируемых ею товаров (доля Англии — 19,2%)⁴. Однако по объему капиталовложений США все еще отставали от Англии. В 1929 г. английские инвестиции в Бразилию равнялись 1413 млн. долл., а американские составляли лишь около 500 млн. долл., т. е. почти втрое меньше⁵. Накануне мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Бразилия оставалась страной экономически и политически зависимой, причем одновременно от двух империалистических держав — Англии и Соединенных Штатов Америки.

Главной опорой иностранного капитала в его политике закабаления Бразилии была местная феодально-помещичья олигархия, с помощью которой империалисты старались помешать свободному развитию национальной промышленности и сельского хозяйства, удержать Бразилию в качестве своего аграрно-сырьевого придатка в условиях зависимости и подчинения.

В результате долголетней колонизаторской политики иностранных империалистов Бразилия оставалась страной экономически отсталой и слабой, а ее народное хозяйство развивалось крайне однобоко. Все было подчинено производству одного продукта — кофе, составлявшего 70% экспорта страны. На долю Бразилии приходилось до 70% мирового производства кофе.

Экономическая отсталость Бразилии, ее зависимое положение, аграрно-сырьевой характер ее хозяйства, преобладание крупного землевладения, наличие феодальных пережитков — все эти факторы обусловили особую глубину экономического кризиса 1929—1933 гг. в Бразилии, пережившей в эти годы подлинную экономическую катастрофу.

Особенно сильно пострадало в результате кризиса кофейное производство. Увеличивающееся перепроизводство кофе наблюдалось еще в середине 20-х годов. В 1925 г. осталось нереализованным 1,7 млн. мешков (по 60 кг) кофе, в 1928 г. — до 12,8 млн. мешков. Перепроизводство кофе особенно возросло в годы кризиса, к концу которого его «излишки» составляли 37 млн. мешков⁶. Все попытки плантаторов и правительства остановить растущее перепроизводство путем уничтожения кофе не увенчались успехом: «излишки» росли, цены падали (в 1929 г. мешок кофе стоил

⁴ «Bulletin of the Pan American Union», February 1931, p. 163.

⁵ «1934. Retrospecto Commercial do «Jornal do Comercio», vol. LXI. Rio de Janeiro, 1935, p. 142; M. Winkler. Investments of United States Capital in Latin America. Boston, 1928, p. 275—283.

⁶ «O governo e a produção», t. I. Rio de Janeiro, 1935, p. 103.

20,79 долл., через год его продавали за 8,09 долл., т. е. в 2,5 раза дешевле), хотя за годы кризиса было уничтожено более 40 млн. мешков кофе⁷.

Кризис кофейного производства привел к развалу всего сельского хозяйства страны. Стоимость валовой сельскохозяйственной продукции упала на 35%, а стоимость экспорта сельскохозяйственных товаров — на 49%⁸. Экспорт хлопка сократился в 3 раза, цены на продукты животноводства упали в 2—3 раза, производство сахара, хлопка, парагвайского чая и других культур было почти полностью парализовано.

Глубокий аграрный кризис не мог не повлиять на состояние промышленности. Наибольший упадок промышленного производства наблюдался в 1930 г., когда индекс производства сократился более чем на 30%. В декларации Ассоциации промышленников штата Сан-Паулу, направленной в 1930 г. президенту, с тревогой сообщалось о том, что хлопчатобумажная промышленность работает всего на 30% нормальной нагрузки, текстильная — до 30%, металлургическая и бумажная — на 40%⁹. Резко снизились цены на промышленные товары и сырье: на каучук и медь — на 40%, на олово — на 38% и т. д.¹⁰ Число банкротств мелких и средних предпринимателей, зарегистрированных только на двух биржах — в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, выросло в 3 раза по сравнению с предыдущим периодом: до 1929 г. ежегодно регистрировалось около 200 банкротств, в 1929 г. — 579, а в 1930 г. — 686¹¹.

Внешняя торговля Бразилии также переживала глубокий упадок: экспорт сократился с 455 млн. долл. в 1929 г. до 314 млн. (в 1931 г.), а импорт уменьшился почти вдвое — с 416 млн. долл. до 253 млн.¹² За 1930—1931 гг. Бразилия потеряла весь свой золотой запас (около 160 млн. долл.)¹³. В результате финансового кризиса осенью 1931 г. Бразилия объявила себя банкротом.

Развал народного хозяйства, завершившийся финансовым крахом, прежде и сильнее всего сказался на широких массах трудящихся. В результате кризиса более 2 млн. человек осталось без работы¹⁴. Резко повысились цены на товары и продукты народного потребления. Стоимость жизни выросла в 2,5 раза¹⁵. Тысячи мелких производителей разорялись; многие из них вынуждены были за бесценок продавать свои крохотные плантации. Особенно ухудшилось положение крестьян. Газета «Diario da Noite» писала в ноябре 1929 г., что внутри страны «положение тревожно», так как плантаторы не расплатились с батраками, контракты которых истекли. Тысячи колонов¹⁶, признавала газета, «настроены угрожающе... некоторые плантаторы покинули свои поместья»¹⁷.

Все это революционизировало широкие массы трудящихся: рабочие бастовали, участились выступления крестьян и солдат. В стране назревал новый революционный подъем. Страдавшие от кризиса массы искали «конкретного носителя зла». Волна стихийного народного гнева росла с каждым днем. Она прозвучала свержнуть диктатора В. Луиса, стоявшего у

⁷ В. Mergulhão. O general café na revolução branca de 1937. Rio de Janeiro, 1945, p. 101.

⁸ «Trabalhos realizados em 1938. Relatório apresentado ao Presidente da República...». Rio de Janeiro, 1939, p. 18, 31.

⁹ «Кризис в странах Латинской Америки». М., 1932, стр. 283—284.

¹⁰ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 31, стр. 43.

¹¹ A. Bastos. Prestes..., p. 238.

¹² «Bulletin on the Pan American Union», February 1932, p. 112.

¹³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1933», vol V. Washington, 1952, p. 66.

¹⁴ «International Press Correspondence», 1931, № 33, p. 559; A. Bastos. Prestes..., p. 254; «Красный Интернационал профсоюзов», 1930, № 3, стр. 205.

¹⁵ «Мировое хозяйство в 1936 г. Ежегодник». М., 1937, стр. 250.

¹⁶ Колонами в Бразилии назывались крестьяне-батраки, работавшие на помещика и получавшие за свой труд клочок земли и иногда инструменты для ее обработки.

¹⁷ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1930, № 2, стр. 75.

власти с 1926 г. Бывший министр земледелия Бразилии П. Лима с тревогой признавал, что, если не удастся быстро разрешить кофейный кризис и успокоить народ, положение в сельском хозяйстве «будет таким же и даже еще более острым, чем в 1888 г. (год наивысшего подъема борьбы за отмену рабства в Бразилии.— *Б. К.*), политические последствия могут быть серьезными, даже угрожающими для современного режима»¹⁸. В связи с этим определенные буржуазно-помещичьи круги выдвинули свой план, с помощью которого они надеялись пробраться к власти и подавить народное движение. По словам одного из руководителей буржуазно-помещичьей оппозиции, губернатора штата Минас-Жераис Антонио Карлос де Андрада, этот план заключался в том, чтобы «сделать революцию прежде, чем ее сделает народ... помещать народу совершить свою революцию»¹⁹.

В этих сложных экономических и политических условиях в стране шла подготовка к выборам нового президента, назначенным на 1 марта 1930 г. Борьба на выборах развернулась между двумя главными буржуазно-помещичьими группировками: правящей — «Консервативной концентрацией» и оппозиционной — «Либеральным альянсом».

До 1929 г. в Бразилии более 40 лет у власти стояли крупные кофейные плантаторы штатов Сан-Паулу и Минас-Жераис. Именно эта олигархическая группа господствовала во всей экономической и политической жизни страны²⁰. Однако в 1929 г. этот традиционный блок распался, так как плантаторы «минейрас» (штат Минас-Жераис) были недовольны откровенно проанглийской политикой плантаторов «паулистов» (штат Сан-Паулу). Это недовольство усилилось, когда президент В. Луис и выдвинутый им в качестве преемника губернатор штата Сан-Паулу Жулио Претес, отказавшись от союза с «минейрас», блокировались с феодально-помещичьей олигархией штата Баия и организовали тогда свой предвыборный блок — «Консервативную концентрацию». В основном в него входили, кроме «паулистов», крупные латифундисты штата Баия, часть плантаторов, интеллигенции и буржуазии других штатов, ориентировавшихся в первую очередь на Англию. Программа консерваторов носила антинародный характер. Они выступали за дальнейшее сотрудничество с английским капиталом и за проведение порочной политики валоризации²¹. Вместе с тем в целях привлечения масс на свою сторону консерваторы обещали провести целый ряд демократических преобразований — повысить зарплату, сократить налоги, уменьшить безработицу и т. п.

Во главе оппозиционного блока — «Либерального альянса» встал крупный помещик-скотовод, губернатор штата Риу-Гранди-ду-Сул, сторонник сотрудничества с США — Жетулио Дорнеллас Варгас. Финансовую поддержку либералам оказывали банки штатов Риу-Гранди-ду-Сул и Минас-Жераис²². «Альянс» объединил вновь созданные буржуазно-помещичьи

¹⁸ «Коммунистический Интернационал», 1930, № 1, стр. 58.

¹⁹ «Красный Интернационал профсоюзов», 1930, № 12, стр. 14.

²⁰ На долю этих двух ведущих штатов Бразилии приходилось до 76,5% всех кофейных деревьев страны (1972 млн. из 2747 млн. деревьев). Вот почему помещики и буржуазия этих штатов играли и продолжают играть важную роль во всей жизни страны.— «Brazil of Today». Rio de Janeiro, 1931, p. 40.

²¹ Валоризация — политика искусственного удержания больших масс товарного кофе на складах, накопление «излишков» до более благоприятной конъюнктуры на рынках. При проведении этой политики правительство вынуждено было прибегать к иностранным займам для кредитования кофейных плантаторов. Финансовая зависимость страны в связи с этим увеличивалась, а перепроизводство кофе убыстрялось, так как цены на кофе искусственно поддерживались на высоком уровне.

²² В штате Риу-Гранди-ду-Сул довольно сильные позиции занимал американский капитал: банк «Диллон, Рид энд К^о» имел в столице штата Порту-Алегри свои филиалы; «Интернейшнл телефон энд телеграф» фактически контролировала всю систему связи; монополии Свифт, Армор, Вильсон имели свои мясохладобойни, склады, мастерские и т. д. В июле 1928 г. США предоставили центральному банку штата Риу-Гранди-ду-Сул заем в размере 23 млн. долл.— «The South American Journal and Brazil and River Plate Mail», Rio de Janeiro, 22.II.1930, p. 252. В штате

партии — «Освободительную партию» («Партидо либертадор») штата Риу-Гранди-ду-Сул и «Демократическую партию Сан-Паулу», ряд рабочих, офицерских, студенческих и других организаций — одним словом, всех тех, кто выступал против экономического и политического господства плантаторов и буржуазии Сан-Паулу. Большую поддержку оказали либералам мелкобуржуазные революционеры, которые выступали против ненавистного правительства В. Луиса. В целом «Либеральный альянс» представлял собой пестрый блок различных политических сил, в котором ведущую роль играли реакционеры — представители помещиков и буржуазии штатов Минас-Жераис и Риу-Гранди-ду-Сул, крупные промышленные предприниматели Кавалканти, Матараззо и др. «Это был реакционный союз различных политических сил, выдвигавших кандидатуру Варгаса и стремившихся путем взаимного обмана к захвату власти»²³. За спиной «Либерального альянса» стояли американские империалисты, намеревавшиеся нанести серьезный удар Сити, хозяйничавшему в основном в Сан-Паулу.

В борьбе против «паулистов» либералы воспользовались нарастающим недовольством бразильского народа правлением В. Луиса. Стремясь привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся, они выдвинули явно демагогическую программу. По их словам, они боролись за «великую национальную революцию», чтобы осуществить ряд важнейших преобразований, в которых так нуждается нация²⁴. «Если мы придем к власти, — заявляли либералы, — то с кризисом будет покончено»²⁵. Лидеры «Либерального альянса» — Жетулио Варгас, Антонио Карлос, Артур Бернардес (президент Бразилии в 1922—1926 гг.), Мелло Франко (крупный финансист), Жоан Пессоа (губернатор штата Баия) обещали объявить всеобщую политическую амнистию, разработать справедливое рабочее законодательство, провести избирательную реформу, уменьшить права президента, расширить автономию штатов, признать Советский Союз и даже покончить с крупным латифундизмом и иностранным империализмом²⁶. Псевдореволюционная демагогия была главным политическим оружием либералов, которые пытались помешать массам встать на путь действительной революционной борьбы. На первых порах им удалось в значительной степени достичь своей цели.

На выборах 1 марта 1930 г. победили консерваторы. Их кандидат Жулио Престес получил в три раза больше голосов, чем ставленник либералов Жетулио Варгас. Однако массы все же пошли за либералами, о чем ярко свидетельствуют последующие события. Поверив в обещания либералов, широкие слои бразильского народа поддержали вооруженный переворот Варгаса в октябре 1930 г.

* * *

Одной из важных причин того, что широкие массы трудящихся, не разобравшись в классовой сущности движения либералов, поддержали их, являлась сказавшаяся в ряде вопросов идейная незрелость и организационная слабость рабочего класса и его партии, их неумение найти правильную тактику.

Бразильский пролетариат — сравнительно молодой класс. Он сформировался и вырос в основном во время войны 1914—1918 гг. и в первые годы после нее. В 1913 г. в стране было 150 тыс. промышленных рабочих,

---

Минас-Жераис основные экономические позиции к 1929 г. также занял американский капитал: «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» вложила в горную промышленность штата более 75 млн. долл., «Америкен смелтинг компани» — более 100 млн. долл. — «The Communist», New York, vol. IX, 1930, № 11—12, p. 1032; «Красный Интернационал профсоюзов», 1930, № 12, стр. 57.

²³ J. A m a d o. Vida de Luiz Carlos Prestes. Buenos Aires, 1942, p. 254.

²⁴ «Vanguarda», 14.VIII.1929.

²⁵ «The South American Journal and Brazil and River Plate Mail», 11.I.1930.

²⁶ Программу «Либерального альянса» см. «Vanguarda», 14.III.1929.

в 1920 г.— 275 тыс., в 1930 г. их число превысило 500 тыс.²⁷ Однако, несмотря на свою молодость, рабочий класс Бразилии уже имел определенный опыт политической борьбы. В результате мощного революционного подъема в 1918—1923 гг., возникшего под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, пролетариат Бразилии одержал ряд побед, в том числе он добился 8-часового рабочего дня, повышения зарплат, некоторых демократических свобод и т. д.

Главным завоеванием бразильских трудящихся явилось создание в марте 1922 г. коммунистической партии. Влиянию анархистов, долгое время господствовавших в рабочем движении Бразилии, был нанесен сильный удар. Рабочее движение вступило в новую фазу.

Однако в результате допущенных КПБ на первом этапе ее существования ошибок борьба рабочего класса в 20-х годах развивалась стихийно и изолированно от других демократических течений, а сам пролетариат, несмотря на свою революционность, не мог еще возглавить общенационально-освободительное движение. Бразильская компартия, борющаяся в трудных условиях реакции и подполья, была еще в сильной мере заражена сектантством, недооценивала силы пролетариата и переоценивала революционные возможности мелкой городской буржуазии. В то же время крестьянство рассматривалось как инертная масса, неспособная принять активное участие в революции. Преобладавшая в партии теория о постепенном «созревании пролетарской революции в тени революции мелкобуржуазной» отдавала фактически руководство крестьянством и вообще буржуазно-демократической революцией в руки мелкой и радикальной буржуазии. Исходя из этой ошибочной теории, компартия не вела активной работы в деревне. Крестьянское движение в стране развертывалось стихийно.

В конце 1928 г. III съезд КПБ признал, что без руководства пролетариата революция не может победить, однако это положение было принято лишь формально. Тактика КПБ оставалась прежней. Вот почему в тезисах ЦК КПБ (март 1947 г.) об этом периоде деятельности компартии говорится следующее: «Была совершена ошибка в анализе бразильской революции, роли классов в этой революции и прежде всего в оценке задач пролетариата и КПБ в этот период, и хотя уже в то время говорилось о гегемонии пролетариата, последний все же шел еще на поводу у мелкой буржуазии, которой также передавалось руководство буржуазно-демократической революцией»²⁸. Лишь после I конференции компартий стран Латинской Америки в 1929 г. для Коммунистической партии Бразилии наступил период обновления и освобождения от мелкобуржуазных тенденций.

Мелкобуржуазные революционеры пользовались в стране большим политическим авторитетом. Именно городская мелкая буржуазия во главе с революционно настроенным младшим офицерством бразильской армии играла в 20-х годах роль руководителя буржуазно-демократического революционного движения. Крупная же промышленная национальная буржуазия была в Бразилии относительно слаба и не обладала достаточным политическим авторитетом. Она не могла подняться на решительную борьбу против феодализма и империализма прежде всего потому, что была тесно связана с ними. Еще в годы первой мировой войны она «становится как бы третьим составным элементом правительства и начинает играть большую роль наряду с помещиками и торгово-ростовщическим капиталом»²⁹.

²⁷ «Recenseamento do Brazil realizado em I de setembro de 1920», vol. V, I^a parte, p. LXIX; «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. III. М., 1935, стр. 200.

²⁸ «Documentos de Luiz Carlos Prestes», Buenos Aires, 1947, p. 160.

²⁹ «Колониальные проблемы», сб. 2. М., 1934, стр. 229.

Луис Карлос Престес (1923 г.)

В этих условиях в Бразилии роль проповедника аграрной реформы и борца за демократию взяла на себя мелкая городская буржуазия. Однако тот факт, что в 20-х годах мелкобуржуазные революционные элементы не сплотились с широкими рабоче-крестьянскими массами, привел буржуазно-демократическое движение к поражению. Радикальная мелкая буржуазия оказалась на деле неспособной объединить и возглавить народное движение против империализма и феодализма. Сделать это мог лишь пролетариат, руководимый подлинно революционной марксистско-ленинской партией.

* * *

Наиболее крупными революционными выступлениями под руководством мелкой буржуазии в Бразилии явились вооруженные восстания 1922 и 1924 гг., направленные против реакционного правительства А. Бернардеса, против господства крупных латифундистов. Из молодых революционеров-офицеров, организовавших и руководивших этими восстаниями, особенно выделялся Л. К. Престес.

Луис Карлос Престес родился 60 лет назад — 3 января 1898 г. — в г. Порто-Алегре в семье военнослужащего. Нужда и бедность всегда были неизменными спутниками семьи Престеса. Лишь с большим трудом Престесу удалось поступить в военную школу, а затем в Высшее военное училище, которое он закончил с отличием в 1919 г.

Еще в юности, видя вокруг себя несправедливость и нужду, Престес серьезно задумывался о судьбах своей родины. Он твердо решает посвятить всю свою жизнь борьбе за свободу и счастье бразильского народа. Однако, не будучи еще марксистом, он не представлял себе ясно характера революционного движения в Бразилии. Луис Карлос Престес всегда отличался мужеством и принципиальностью, горячей преданностью народу.

В 1922 г. после восстания гарнизона форта Копакабана в Рио-де-Жанейро военные власти сослали Престеса далеко на юг Бразилии — в небольшой город Санто-Анжело. Однако ссылка не изменила демократических убеждений Престеса, который и здесь активно подготавливал своих солдат к участию в революционном движении.

Узнав о восстании, вспыхнувшем 5 июля 1924 г. в Сан-Паулу, Престес принял решение поднять для поддержки восставших воинские части на юге Бразилии. В октябре 1924 г. революционные войска Юга под командованием 26-летнего капитана Луиса Карлоса Престеса, с большим трудом преодолев сопротивление правительственных войск, вырвались из г. Санто-Анжело и пошли на север, на соединение с другими революционными силами. Так начался легендарный поход полуторатысячной колонны Престеса, продолжавшийся с октября 1924 г. по февраль 1927 г. За это время повстанцы, непрерывно ведя ожесточенные бои с правительственными войсками и полицией, страдая от недоедания и болезней, пересекли дважды всю Бразилию, пройдя 26 тыс. км. «Мы не дадим потушить пламя революции!» — таков был лозунг бойцов колонны.

Луис Карлос Престес, произведенный в 1926 г. солдатами в генералы, делил с повстанцами все невзгоды и трудности. Бойцы горячо любили своего командира, гордились его храбростью, неутомимой энергией и скромностью.

Борясь за интересы простого люда, «колонна Престеса» сжигала на своем пути долговые книги и протоколы судебных дел, организовывала митинги и собрания, освобождала заключенных, передавала крестьянам помещичьи земли. С каждым днем росли симпатии трудящихся масс к «колонне Престеса», несшей с собой идеи свободы и справедливости, пробуждавшей в сердцах людей надежду на освобождение от феодального и капиталистического гнета. К колонне примыкали революционно настроенные студенты, рабочие и крестьяне. И хотя влияние буржуазной идеоло-

гии на участников похода было весьма заметно, по своей социальной базе это движение уже значительно отличалось от всех предыдущих — его основной движущей силой являлись сами народные массы.

Несмотря на то, что после продолжительных и изматывающих боев с подавляющими силами правительственных войск повстанцы должны были прекратить борьбу и отступить через границу в Боливию, героический поход «колонны Престеса» 1924—1927 гг. оставил глубокий, неизгладимый след в сознании народа. Имя Луиса Карлоса Престеса стало близким и дорогим для всех бразильских трудящихся, увидевших в нем своего «рыцаря надежды», своего революционного руководителя. Поход вошел в историю Бразилии как славная революционная эпопея, не имеющая себе равной во всей предшествующей многовековой борьбе бразильского народа против своих угнетателей.

После окончания похода «колонны Престеса» мелкобуржуазные революционеры вынуждены были скрываться от преследований со стороны правящих кругов Бразилии. Одна группа участников похода во главе с самим Престесом находилась в изгнании (в Боливии, Аргентине), другая проживала в Бразилии. Среди них были революционно настроенные младшие офицеры, сержанты, прогрессивные интеллигенты, представители мелкой и средней городской буржуазии, рабочих и крестьян. Единой организации у них не было, если не считать тесно связанной между собой группы офицеров, бывших участников похода — «тенентистов» (дословно «лейтенантов») ³⁰, или, как их еще называли, «престистов», во главе которых стояли Луис Карлос Престес, Жуарес Тавора, Мигел Коста, Жоан Альберто, Сикейра Кампос, Освальдо Аранья и другие.

Еще осенью 1929 г. Варгас попытался установить контакт с «тенентистами», надеясь использовать большой политический авторитет мелкобуржуазных демократов-революционеров для обмана масс и привлечения их на свою сторону. Со своей стороны, находившиеся в Бразилии «тенентисты», окрыленные обещаниями либералов провести всеобщую амнистию, выступили за установление тесного контакта с «Либеральным альянсом».

В лагере «тенентистов» начались разногласия, которые вскоре привели к образованию двух групп — «революционеров» и «политиков». «Революционеры» выступали против всякого сотрудничества с либералами, считая, что нужно действовать самостоятельно для завоевания власти силой. «Политики», напротив, полагали, что при помощи пропаганды и агитации они смогут склонить общественное мнение на свою сторону, и надеялись путем сотрудничества с либералами добиться определенных демократических реформ и прийти к власти. Они отказались от идеи революции и заявили в своем письме к Варгасу, что «если «Либеральный альянс» искренне борется за то, о чем он пишет, то революционеры, т. е. престисты, считали бы вредным для дела революции, если бы все силы, борющиеся против правительства, не объединились» ³¹. Примкнувшие к «Либеральному альянсу» офицеры выступали не просто от своего имени. Они выступали как герои великого похода 1924—1927 гг., как друзья и доверенные лица Луиса Карлоса Престеса, пользовавшегося в стране огромным политическим авторитетом. «Тенентисты» и либералы стали утверждать, что Престес полностью поддерживает их движение и даже руководит им.

Этот обман продолжался почти полгода. Между тем Престес, вначале связанный с «Либеральным альянсом», все больше отходил от него. В это время он усиленно работал над своим политическим образованием, глубо-

³⁰ «Тенентизм» был сложным политическим течением 20—30-х годов в Бразилии. В 20-х годах «тенентисты» играли революционную роль, возглавив широкое движение против помещичьей олигархии. Однако с самого начала в рядах «тенентистов» объединялись самые разнородные элементы — от подлинных революционеров до лиц, тесно связанных с помещичьими кругами. В конце 20-х годов последние предали идею революции и перешли в лагерь реакции (Жуарес Тавора, Жоан Альберто и др.).

³¹ «Колониальные проблемы», сб. 2, стр. 239.

ко изучал марксистскую литературу. С каждым днем ему становилось все более ясно, что для победы революции необходимо опираться на широкие народные массы, а не ограничиваться организацией восстаний отдельных воинских частей. В течение некоторого времени Престес, связанный решением большинства, вынужден был придерживаться старой линии. Но уже в открытом письме к своим товарищам от 22 ноября 1929 г. он впервые определенно высказался против политики сотрудничества с «Либеральным альянсом». Весной 1930 г. Престес решительно выступил за немедленное прекращение всяких переговоров с либералами. «Я полностью беру на себя ответственность за совершенную против моей воли ошибку, — писал он в письме от 26 апреля 1930 г., — и считаю, что все мои предвидения подтвердились. Не нарушая дружбы, которая нас объединяет, я имею теперь полное право занять позицию, соответствующую моим убеждениям... Мне известно, что большинство товарищей спорят из-за моих идей, и я понимаю, что мое исключение из среды старых революционеров 1922 г. и 1924 г. неизбежно... Поэтому следует собрать здесь (в Буэнос-Айресе. — Б. К.) совещание для того, чтобы кто-то другой, чьи идеи окажутся в соответствии со взглядами большинства, взял бы на себя руководство»³².

Разногласия между Луисом Карлосом Престесом и другими руководителями «тенентистов» обострились до предела. Стремясь, однако, во что бы то ни стало использовать имя Престеса для обмана народа и привлечения масс на свою сторону, видные «тенентисты» — Ж. Альберто, О. Аранья, Ж. Тавора и др. — неоднократно пытались привлечь его на свою сторону. Для переговоров с Престесом в Буэнос-Айрес несколько раз вылетал Освальдо Аранья, но Престес решительно отказался участвовать в движении «Либерального альянса».

Весной 1930 г. на совещании «тенентистов», находившихся в изгнании, Престес обрисовал создавшееся положение и изложил свой план политической борьбы. Он разоблачил подлинный характер президентских выборов в марте 1930 г., на которых «истинные интересы народа были принесены в жертву, а сам народ был подло обманут псевдodemократической кампанией, которая по существу была борьбой двух враждующих олигархических течений, поддерживаемых и поощряемых двумя сильными империалистическими державами, которые нас поработают и которым бразильские политики выдали народ, связанный по рукам и ногам»³³. Престес подчеркнул, что после поражения либералов на выборах борьба за власть между консерваторами и либералами не закончилась, а, наоборот, вступила в еще более острую стадию и грозит перерасти в кровопролитную вооруженную схватку. Престес решительно выступил за немедленный разрыв с либералами. «Наши дальнейшие переговоры с ними, — сказал он, — сделают нас смешными в глазах широких масс, и мы не сможем никоим образом реализовать нашу программу... нужно вести самостоятельную борьбу, выставляя программу конкретных требований, которая будет способна объединить и мобилизовать массы. Предлагаю организовать борьбу против крупных промышленников и помещиков, как местных, так и иностранных, чтобы завоевать землю и победить империализм»³⁴.

Большинство «тенентистов» выступило, однако, против Престеса и встало на сторону «Либерального альянса». Жуарес Тавора уехал на северо-восток страны, чтобы возглавить там «либеральную революцию». Жоан Альберто и Кордейро де Фариас направились на юг, где уже действовал Мигел Коста. Период с марта по октябрь 1930 г. был временем активной подготовки «тенентистов» и либералов к вооруженному государственному перевороту в целях захвата власти. Подготовка к перевороту шла под лозунгом «насильственного пересмотра» выборов 1 марта и осу-

³² A. Bastos. Prestes..., p. 275.

³³ Ibid., p. 225.

³⁴ «Колониальные проблемы», сб. 2, стр. 239.

ществления «либеральной революции». Характерно, что, несмотря на фактический разрыв с Престесом, «Либеральный альянс» и «тенентисты» продолжали спекулировать его именем. Вот почему, «следуя за «Либеральным альянсом», массы были уверены, что они идут за Луисом Карлосом Престесом»³⁵.

Отказ Престеса от старой линии и его программа антиимпериалистической и антифеодальной революции в течение некоторого времени оставались достоянием лишь узкого круга революционеров, а широкие народные массы почти полгода ничего о ней не знали, ошибочно расценивая молчание Престеса как его поддержку движения «Либерального альянса». Это обстоятельство заставило Престеса публично изложить свою точку зрения и разоблачить гнусный обман.

В мае 1930 г. Луис Карлос Престес опубликовал свой знаменитый Майский манифест. С болью в сердце Престес откровенно признал свои ошибки: «отчасти по недосмотру, отчасти по нерешительности,— писал он,— мы сами стали соучастниками этого колоссального обмана. Мы молчали тогда, когда либералы всех оттенков и мастей с первого и до последнего момента обманывали народ, спекулируя именем революции...»³⁶. Престес объяснял, что он созерцал молча до сих пор все махинации либералов и «тенентистов», так как продолжал верить в чудо, в призрак того, что в результате вооруженного столкновения двух враждующих олигархических группировок может возникнуть «некое третье, революционное движение», которое могло бы действительно удовлетворить огромные нужды народа.

В своем Майском манифесте Престес выдвинул развернутую программу подлинно народной революции. «Наши удары,— писал он,— должны быть направлены против двух главных столпов, на которые опираются нынешние олигархические группы,— против крупного землевладения и англо-американского империализма... Эта борьба может быть победоносной лишь в результате подлинного национального восстания всех трудящихся... Мы выступаем поэтому за аграрную и антиимпериалистическую революцию, осуществляемую и поддерживаемую широкими массами населения»³⁷. Революция должна была осуществить полное освобождение трудящихся от всякой феодальной и колониальной эксплуатации; провести конфискацию земли помещиков и безвозмездно передать ее тем, кто ее обрабатывает; освободить Бразилию от ига империализма, национализировать принадлежащие иностранному капиталу предприятия, транспорт, предприятия общественного обслуживания, шахты и банки; уничтожить внешние долги и т. д.

Для того чтобы отстоять все требования и интересы народа, будущее революционное правительство, по мнению Престеса, должно быть организовано из самих трудящихся масс города и деревни. «Только правительство всех трудящихся, основанное на советах трудящихся города и деревни, солдат и матросов,— писал Престес,— может выполнить подобную программу»³⁸. Однако Престес ошибался, когда полагал, что в стране уже имеются условия для установления Советской власти. На самом деле в тот период установление власти Советов в Бразилии было преждевременным, и массы еще не были подготовлены к нему.

Несмотря на эту ошибку, типичную для молодых коммунистов латиноамериканских стран в послеоктябрьские годы, Престес в целом выдвинул правильную революционную программу. Нельзя не отметить, что в рядах компартий стран Латинской Америки в это время (1929 г.) также

³⁵ J. A m a d o. Vida de Luiz Carlos Prestes, p. 236.

³⁶ Полный текст Майского манифеста Л. К. Престеса опубликован в книге: A. B a s t o s. Prestes..., p. 225—229, по тексту, напечатанному в газете «Diário da Noite», São Paulo, 29.V.1930 (2ª edição).

³⁷ A. B a s t o s. Prestes..., p. 227, 229.

³⁸ Ibid., p. 223.

победила программа антиимпериалистической и антифеодальной революции, о чем свидетельствовала их I континентальная конференция, принявшая резолюцию о необходимости развертывания народной национально-освободительной и аграрной революции в странах Латинской Америки³⁹. Несомненно, что Престес, к этому времени уже тесно связанный с аргентинскими и бразильскими коммунистами, должным образом воспринял эту программу, которая помогла ему изменить коренным образом свою прежнюю линию.

Лишь очень немногие «тенентисты» пошли за Престесом. Большинство из них резко выступило против него. Известный «тенентист» Жоан Альберто Линз де Баррос (позднее ставший правительственным интервентором⁴⁰ в штате Сан-Паулу) назвал план Престеса «совершенно ошибочной идеей»⁴¹. Подобную же оценку дал видный руководитель «тенентистов» генерал Жуарес Тавора. В своем ответном письме по поводу Майского манифеста Престеса Тавора писал летом 1930 г.: «Я не согласен с последним революционным Манифестом генерала Луиса Карлоса Престеса. Я не считаю жизненными средства, которые он пытается применить для того, чтобы осуществить будущее движение. Я также не принимаю предусматриваемое им решение социальных и экономических проблем после победы этого движения»⁴².

Тавора заявлял, будто бы все зло проистекает от «ошибочной практики конституции, которая расходится с реальной национальной жизнью», и уверял, что нужна лишь реформа конституции, ее «национализация» для того, чтобы она отражала общественную и политическую жизнь народа. Вместе с тем Тавора утверждал, что «Бразилии нужен абсолютный диктатор, который должен навести революционный порядок и дисциплину»⁴³. Тавора писал: «Я не верю в осуществимость революции, начатой инертными массами городского пролетариата, колонами фазенд, пеоны хуторов, рассеянными жителями сертан... В эпоху пулемета и скорострельных пушек такая революция неосуществима»⁴⁴.

Жуарес Тавора, как и многие другие «тенентисты», полагал, что в Бразилии нет новых сил для ведения революционной борьбы и что поэтому нужно продолжать борьбу старыми силами, т. е. силами армии и «тенентистов». Эту точку зрения Тавора защищал и раньше, когда утверждал, что широкие массы вносят в революционную борьбу только беспорядок и анархию⁴⁵. Таким образом, Жуарес Тавора взял на себя руководство всеми «тенентистами», выступившими против революционной программы Престеса.

15 июля 1930 г. опубликовал свой ответ и генерал Исидоро Лопес, старый «тенентист», руководитель восстания 1924 г. в Сан-Паулу. Генерал Лопес ввел за Тавора заявлял о своем решительном несогласии с Престесом. Он писал, что «коммунистический режим не может быть применим в абсолютно некапиталистической стране»⁴⁶, какой, по его мнению, является Бразилия. Лопес выступал против предложения Престеса не выплачивать иностранные долги и предлагал другой план: старые долги выплатить, а новые постараться не делать. Он довольно прозрачно намекал, что Пре-

³⁹ «El Movimiento revolucionario Latino Americano. Versiones de la Primera Conferencia Comunista Latino Americano. Junio de 1929». Buenos Aires, 1929; «La Correspondencia Sudamericana», Buenos Aires, Mayo de 1929, № 12, 13, 14.

⁴⁰ Интервенторами назывались специальные чиновники, назначавшиеся вместо ранее избранных губернаторов штатов. Интервенторы пользовались неограниченными полномочиями и подчинялись лишь самому президенту.

⁴¹ J. A. Lins de Barros. *Memoirs de um revolucionario*, I^a parte. Rio de Janeiro, 1954, p. 224.

⁴² A. Bastos. *Prestes...*, p. 230.

⁴³ «South American Journal...», 1.XI.1930, p. 440.

⁴⁴ A. Bastos. *Prestes...*, p. 231.

⁴⁵ J. Tavora. *A Quisa de Depoimento sobre a revolução brasileira de 1924*, vol. I. São Paulo, 1927.

⁴⁶ A. Bastos. *Prestes...*, p. 235.

стесу еще не поздно пересмотреть свою позицию, и если это будет сделано, то «тенентисты» постараются сделать Престеса президентом: «В. Луис мог бы быть заменен Вами или тем, кого бы Вы указали»⁴⁷, — писал он Престесу.

Вслед за Лопесом от Престеса отошли Коста, Аранья, Жураси, Магальяеш и многие другие. Окончательный раскол «тенентизма» стал неоспоримым фактом, причем большинство поддержало Варгаса, полагая, что после победы «Либерального альянса» можно будет вести дальнейшую борьбу за аграрную реформу. Такая позиция была равносильна предательству и означала, что «тенентизм», как идейное течение, стал играть контрреволюционную роль.

Несмотря на кардинальное изменение своей политической программы, Престес не смог сразу освободиться от всех мелкобуржуазных иллюзий и взглядов. Престес ошибочно полагал в то время, что в Бразилии уже созрели все условия для победы вооруженного восстания народа, успех которого зависит главным образом от твердости боевого руководства.

В июле 1930 г. Престес основал так называемую «Лигу революционного действия», рассматривая ее как «вспомогательный технический инструмент пролетариата и его партии»⁴⁸. Создавая «Лигу революционного действия», Престес исходил из того, что она явится органом подготовки вооруженного народного восстания. Однако, несмотря на все его усилия, направленные на то, чтобы «Лига» не превратилась в мелкобуржуазную самостоятельную группу, а служила бы лишь интересам пролетариата, значительное большинство «Лиги» поддержало Варгаса. Вместо того, чтобы идти вместе с пролетариатом и компартией, «Лига революционного действия» фактически боролась против классовой солидарности рабочих, деморализуя народные массы.

В то же время Коммунистическая партия Бразилии (насчитывавшая тогда всего около 1000 человек) заняла нейтральную позицию. Широкие массы трудящихся, оставшись без руководства со стороны коммунистов, поверили в «либеральную революцию» и поддержали Варгаса в его борьбе против «наулистов».

Тот факт, что большинство «тенентистов» во главе с Жуаресом Тавора примкнуло к либералам, позволил Варгасу использовать большой политический авторитет этих людей и повести массы за собой. С помощью широкой социальной демагогии народ был вовлечен в мнимую «революцию», руководимую буржуазно-помещичьим «Либеральным альянсом».

3 октября 1930 г. либералы и «тенентисты» начали вооруженную борьбу против правительства В. Луиса. Кровавопрлитная война продолжалась в течение нескольких недель. Исход борьбы решился 23 октября, когда в Рио-де-Жанейро восстал гарнизон и В. Луис был свергнут. Военная хунта, захватившая власть в столице, через 10 дней передала ее Варгасу. «Либеральная революция» на этом окончилась.

Вооруженный переворот либералов завершился быстрой победой также и потому, что американские капиталисты оказали мятежникам значительную помощь. На борту американского крейсера «Пенсаколла», посланного правительством Гувера — Стимсона в бразильские воды «для защиты интересов американских граждан в случае опасности», 17 октября состоялись тайные переговоры представителей правительства США с посланцами Варгаса⁴⁹. Американские фирмы почти открыто снабжали Варгаса оружием. В ноте правительства В. Луиса от 22 октября 1930 г. указывалось, что «определенные элементы в Соединенных Штатах находятся, к сожалению, в тесном контакте с революционными элементами, борющимися против федерального правительства. Эти элементы встречают поддержку некоторых американцев в стремлении покупать оружие и боеприпасы в

⁴⁷ A. Bastos. Prestes..., p. 235.

⁴⁸ Ibid., p. 262.

⁴⁹ «Temps», 25.X.1930; «The Times», 18.X.1930.

США с тем, чтобы обратить это оружие против законного бразильского правительства»⁵⁰. Несколько раз правительство В. Луиса просило президента Гувера объявить эмбарго на вывоз оружия в Бразилию, но в США оттягивали решение этого вопроса. Лишь 22 октября правительство Гувера объявило, наконец, эмбарго на вывоз оружия бразильским мятежникам. Однако Варгас уже почти стоял у власти, и эмбарго реального значения не имело.

Победа сторонников Варгаса, победа «либеральной революции» не означала действительной победы народа. Это признавали и сами руководители переворота. Вот что говорил, например, Линдольфо Коллор (министр труда в правительстве Варгаса): «Это движение ни в какой мере не является коммунистическим. Оно объединяет вокруг себя исключительно консерваторов, всех бывших президентов Бразилии, элиту интеллигенции... Мы в действительности совершаем контрреволюцию, чтобы восстановить нормальное законодательство и ликвидировать избирательное мошенничество»⁵¹. Жуарес Тавора несколько раз подчеркивал, что «движение не имеет ничего общего с большевистской полигией»⁵². Католический архиепископ из Порту-Алегри сообщал Ватикану о том, что бразильская революция «не коммунистическая, но политическая»⁵³, что она не угрожает церкви, и последняя поддерживает ее.

Однако военный переворот Варгаса проходил в обстановке подъема народного движения. Еще в начале октября 1930 г. рабочие г. Итаки вышли на улицу с оружием в руках, чтобы бороться за «идеалы либеральной революции». К восставшим примкнули некоторые воинские части. Народ захватил здания городского муниципалитета, телефонной станции и другие важные объекты. Казалось, либералы должны были бы поддержать это народное выступление, которое проходило под лозунгом «либеральной революции». Но на деле получилось иначе. Войска «Либерального альянса», пользуясь своим прикрасным превосходством, силой овладели городом. Варгас лично отдал приказ повесить 20 человек — руководителей революционного выступления. В городе начались жестокие репрессии против рабочих⁵⁴. То же самое произошло в г. Жоао-Нейва (штат Эспириту-Санту).

Тем не менее победа военной хунты в столице в конце октября 1930 г. расценивалась в массах как победа настоящей революции. В Сан-Паулу 25 октября 1930 г. рабочие овладели штурмом тюрьмой Камбучи и освободили всех политических заключенных. Бразильская Бастилия была сожжена⁵⁵. 27 октября в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и других городах произошли баррикадные бои. В столице рабочие захватили несколько кварталов. Народные массы с энтузиазмом встретили свержение ненавистного диктатора, полагая, что победили истинные революционеры.

Видя нарастающую активность масс, военная хунта пришла в замешательство. Не в силах остановить народное движение, она вынуждена была 3 ноября передать власть Варгасу. Придя к власти, «тенентисты» и либералы поспешили предотвратить дальнейший подъем массового движения. Вооруженные части «Альянса» были брошены против трудящихся; многие рабочие были убиты; народные демонстрации разгонялись. В штате Риу-Гранди-ду-Сул забастовки трамвайщиков и других рабочих в ноябре 1930 г. были подавлены военной силой. В штате Мараньян либералы объявили о том, что «немедленно будут предавать суду и расстреливать лиц, которые будут заниматься коммунистической агитацией»⁵⁶. Все выступления ра-

⁵⁰ «The New York Times», 23.X.1930.

⁵¹ «The Times», 20.X.1930.

⁵² «South American Journal...», 1.XI.1930, p. 440.

⁵³ «Международная жизнь», 1930, № 12, стр. 38.

⁵⁴ «Justicia», 15.X.1930; «The Times», 28.X.1930; «Международная жизнь», 1930, № 12, стр. 39.

⁵⁵ «The New York Times», 27.X.1930.

⁵⁶ «Латинская Америка». Бюллетень Латиноамериканской секции Профинтер-на. 1931, № 2(16), стр. 4.

бочих, направленные на дальнейшее расширение борьбы за рамки «либеральной революции», были жестоко подавлены.

Идя за либералами и «тенентистами», широкие массы трудящихся считали, что сражаются за истинную революцию; когда же они постепенно стали понимать, что их подло обманули, было уже поздно — Варгас стоял у власти.

«В 1930 г., — указывалось в документах Коминтерна, — «оппозиционному блоку» буржуазии и помещиков («Либеральный альянс») удалось свергнуть старое правительство и овладеть властью путем использования стихийного революционного массового движения, а также различных мелкобуржуазных группировок, выступавших против старого консервативного правительства, но неспособных к действительной антифеодальной и антиимпериалистической борьбе. Так возникло нынешнее помещичье-буржуазное правительство Варгаса, ориентирующееся главным образом на США»⁵⁷.

Своеобразие политической борьбы в Бразилии в 1929—1930 гг. заключалось в том, что под маской «либеральной революции» оппозиционные буржуазно-помещичьи круги совершили реакционный государственный переворот и при помощи обманутых и дезориентированных масс захватили власть в свои руки. Вместо одной олигархической группы к государственной власти пришла другая. «Налицо была превентивная контрреволюция, совершенная против массового движения»⁵⁸, — отмечал в 1931 г. Луис Карлос Престес. Таков был истинный смысл мнимой «либеральной революции».

* * *

Придя к власти, либералы и их союзники «тенентисты» видели свою главную задачу в том, чтобы, во-первых, остановить путем террора и репрессий нарастание массового движения и, во-вторых, найти выход из экономического кризиса за счет трудящихся. Обе эти задачи они пытались осуществить при помощи военной диктатуры. «Бразилия, — заявлял Варгас, — является одним огромным госпиталем... Народ Бразилии — это слабый и болезненный народ». Стране нужен врач — диктатура⁵⁹.

11 ноября 1930 г. Варгас и члены временного правительства, образованного 3 ноября, подписали так называемый «Органический закон». Согласно этому «закону» в стране устанавливалась свирепая военная диктатура. Конституция 1891 г. была отменена, конгресс распущен, на место избранных ранее губернаторов штатов были назначены интервенторы. Президент сосредоточил в своих руках всю полноту исполнительной и законодательной власти в стране⁶⁰.

С первых же дней своего существования временное правительство Варгаса показало свой антинародный буржуазно-помещичий характер. Наступление на экономические и политические права рабочих началось с того, что в декабре 1930 г. Варгас издал указ о сокращении числа национальных праздников и памятных дат, в первую очередь революционных: дня памяти национального героя Тирадентиса — 21 апреля, дня отмены рабства — 13 мая и т. д.⁶¹.

7 января 1931 г. был издан декрет о сокращении иммиграции, главным образом за счет бедняков. Бразильским консульским агентам было дано право просматривать паспорта иностранцев-пассажиров 3-го класса, еду-

⁵⁷ «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным Конгрессом» (Материалы). М., 1935, стр. 399.

⁵⁸ L. C. Prestes. A Carta Aberta, 24 de março de 1931. — Цит. по кн.: A. Bastos. Prestes..., p. 257.

⁵⁹ H. Phillips. Brazil. Bulwark of Inter-American Relations, p. 129.

⁶⁰ Текст «Органического закона» опубликован в «Diario official», Rio de Janeiro, 12.XI.1930 и в «Bulletin of the Pan American Union», January 1931, p. 66—68.

⁶¹ «Bulletin of the Pan American Union», March 1931, p. 295.

щих в Бразилию и собирающихся остаться в ней⁶². По этому декрету иностранцам было чрезвычайно затруднено приобретение бразильского гражданства. Для получения его требовалась подпись самого президента и документ о благонадежности, выданный министерством юстиции и внутренних дел. Иммиграция в связи с этим резко сократилась (с 67 тыс. человек в 1930 г. до 31 тыс. в 1931 г.)⁶³. Согласно январскому декрету, все безработные должны были регистрироваться в специальных учреждениях министерства труда или в полицейских участках. «Лица, уклоняющиеся от регистрации, должны быть арестованы за бродяжничество»⁶⁴, — указывалось в декрете.

Правительство Варгаса всячески афишировало декрет 7 января 1931 г. как меру защиты бразильских рабочих от безработицы. На самом же деле этот декрет преследовал цель сократить приток пролетарских элементов из Европы, расколоть рабочий класс Бразилии, противопоставив коренных бразильцев рабочим-иммигрантам, посеять вражду среди различных слоев трудящихся и облегчить таким образом подчинение труда капиталу. Декрет от 7 января 1931 г. открыл собой полосу жестокого наступления на революционное рабочее движение в Бразилии.

Весной 1931 г. против рабочих были приняты новые, еще более суровые меры. 19 марта 1931 г. был издан «Закон о труде», который ярко показал классовую сущность всего «рабочего законодательства» временного правительства Варгаса. По мартовскому декрету требовалось, чтобы каждый профсоюз состоял по крайней мере из 30 человек (старше 18 лет), причем не менее $\frac{2}{3}$ членов его должны были быть уроженцами Бразилии или натурализованными бразильцами. Иностранцы принимались в союз только в том случае, если они прожили в Бразилии по крайней мере 20 лет. Административными и выборными руководителями организаций могли быть только бразильцы, причем они избирались на один год без права переизбрания. «Они не имеют права, — говорилось в декрете, — получать за свою работу какое-либо вознаграждение, вести социальную, политическую или религиозную пропаганду внутри организации, не соответствующую ее характеру, или в целях, запрещенных законом»⁶⁵.

Уставы профсоюзных организаций вместе с приложенным списком членов с указанием имени, возраста, профессии, гражданского состояния, национальности, места жительства и адреса работы каждого члена подлежали утверждению министерством труда. Все профсоюзы обязаны были периодически отчитываться перед министерством в своей деятельности, не изменять без его согласия свои уставы и т. д. Для надзора над профсоюзами министерство труда посылало своих особо уполномоченных инспекторов. В декрете указывалось также, что профсоюзные организации должны отныне рассматриваться лишь как консультативные органы при министерстве труда и «как органы сотрудничества должны работать (совместно) в смешанных советах и постоянных примирительных палатах и судебных органах для того, чтобы избежать конфликтов между рабочими и предпринимателями»⁶⁶.

Мартовский декрет ставил по существу все подлинно революционные профсоюзы вне закона. Запрещая и преследуя рабочие профсоюзы, Варгас вместе с тем создавал в качестве монопольных организаций «правительственные профсоюзы» (с 1931 по 1936 г. в одном Федеральном округе было создано 190 таких корпораций)⁶⁷. Таким образом, рабочее законодательство Варгаса было направлено на подавление всякого самостоятельного выступления рабочих.

⁶² «Bulletin of the Pan American Union», March 1931, p. 294.

⁶³ «Brazil of Today», Rio de Janeiro, 1931, p. 201.

⁶⁴ «Bulletin of the Pan American Union», March 1931, p. 295.

⁶⁵ «Bulletin of the Pan American Union», July 1931, p. 756—757.

⁶⁶ «Проблемы Южной и Караибской Америки», М., 1934, стр. 99.

⁶⁷ «Sinopse estatístico do Distrito Federal», № 2, p. 88.

Однако, несмотря на все усилия правительства Варгаса, в стране нарастало массовое рабочее движение, причем, в отличие от периода, предшествовавшего октябрю 1930 г., оно становилось с каждым днем все более самостоятельным. Если до октября — ноября 1930 г. роль политического руководителя трудящихся масс играли «тенентисты» и либералы, т. е. городская мелкая и крупная буржуазия и помещики, то теперь контрреволюционеры, придя к власти, показали народу свое истинное лицо. Обман стал очевиден. Народные массы отходили от Варгаса, классовая борьба обострялась, социальная база диктатуры Варгаса начала быстро сужаться, «тенентисты» и либералы все чаще сталкивались между собой, внутренние противоречия ослабляли правительство.

Особенно усилилась в это время борьба рабочего класса. Значительно выросло стачечное движение пролетариата: если в течение 1929 г. бастовало 20—30 тыс. рабочих, а в 1930 г., ввиду предательства «тенентистов» и либералов, число бастующих упало до 3—5 тыс. человек, то после прихода Варгаса к власти в 1931 г. число бастующих достигло 300 тыс. человек. После некоторого спада стачечного движения осенью 1932 г., когда массы оказались вторично вовлечены в политическую борьбу различных буржуазно-помещичьих групп (на этот раз войну начали «паулисты»), рабочее движение снова пошло на подъем, и в 1934 г. число стачечников превысило 1 млн. человек⁶⁸.

Выступления рабочих в эти годы носили не только экономический, но и ярко выраженный политический характер. Ряд забастовок проходил под руководством коммунистов. Нарастающее рабочее движение свидетельствовало об усилении классового самосознания и зрелости пролетариата. Все чаще происходили всеобщие стачки и стачки солидарности, некоторые из них кончались вооруженными столкновениями с полицией.

Одной из крупнейших стачек этих лет была всеобщая забастовка текстильщиков г. Сан-Паулу. Более 5 тыс. рабочих боролись в течение двух недель (10—27 ноября 1930 г.) против снижения зарплаты на 20—30%. Правительство и предприниматели, будучи не в силах сами подавить эту стачку, прибегли к помощи предателей-троцкистов во главе с Плинио Мелло и Жозиасом Леоном и интервента штата Жоана Альберто⁶⁹.

Последний в целях успокоения рабочих издал указ о повышении зарплаты на 5%, кроме того, по совету троцкистов, он рекомендовал фабрикантам не увольнять бастующих без предварительного полицейского расследования. Таким образом, при помощи методов «полицейского социализма» всеобщая стачка была сорвана, многие рабочие арестованы, их руководители брошены в тюрьмы.

В ноябре 1930 г. была жестоко подавлена также забастовка рабочих крупной промышленной компании «Лайт энд пауэр». Требования рабочих повысить зарплату, признать их профсоюз, распустить компанийский (организованный предпринимателями) союз, запретить увольнение без санкции профсоюза и др. не были выполнены.

Кроме текстильщиков и энергетиков, в ноябре 1930 г. бастовали: в штате Баия — железнодорожники, в штате Пернамбуку — булочники г. Ресифе, в г. Сантос (штат Сан-Паулу) — портовые грузчики, в г. Кампус — рабочие сахарного завода «Санта-Крус». В г. Порту-Алегри трамвайщики умело провели забастовку и добились признания своего вновь созданного профсоюза⁷⁰.

⁶⁸ «Correio da Manhã», 5.VI.1936.

⁶⁹ Троцкисты, изгнанные из рядов КПБ, использовали заявление Жоана Альберто о том, что «он допустит в штате легальное существование коммунистической партии при условии ее подчинения полицейскому контролю», и организовали под вывеской «компартии» легальную троцкистскую группу.— «The Times», 19.XI.1930; «The South American Journal...», 6.XII.1930.

⁷⁰ «Латинская Америка», 1931, № 2(16), стр. 4, 10—11.

В декабре 1930 г. по стране прокатилась волна демонстраций безработных. 1 декабря 1930 г. в Рио-де-Жанейро состоялся голодный поход, в котором приняло участие несколько тысяч безработных. Однако их демонстрация, ввиду плохой подготовки и организации, была сорвана.

Подъем стачечного движения зимой 1930/31 г. привел к некоторому оживлению работы революционных профсоюзов. В ряде мест руководство профсоюзов было переизбрано, и в него вошли коммунисты. Весной 1931 г. в Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и других городах прошли областные профсоюзные конференции. 1 мая 1931 г. Всеобщая конфедерация труда по предложению КПБ выступила инициатором создания единого фронта всех профсоюзов. Однако анархисты отказались от политики единого рабочего фронта. Таким образом, рабочий класс Бразилии остался расколотым, что облегчало Варгасу борьбу против него. По словам самих руководителей бразильских революционных профсоюзов, «в борьбе за единый фронт мы сделали очень много ошибок. Объясняются эти ошибки тем, что наша работа носит сектантский характер»⁷¹. Большим недостатком в работе с трудящимися являлось то, что коммунисты не умели увязывать легальную деятельность с нелегальной. «Когда мы имеем возможность работать легально, — признавались они, — мы приближаемся к массам и массы идут за нами. Но когда мы вынуждены работать нелегально, мы превращаемся в секту, не имеющую никакой связи с массами»⁷².

Однако, вопреки слабому руководству и расколу, вопреки жестокому террору и преследованиям, рабочее движение в Бразилии ширилось все больше и больше. Классовая солидарность рабочих крепла, их сознание постепенно освобождалось от груза либерально-буржуазных иллюзий (особенно после мартовского закона 1931 г.). Именно в этот момент подъема рабочего движения Луис Карлос Престес окончательно преодолел свои мелкобуржуазные взгляды и примкнул к Коммунистической партии Бразилии.

В «Открытом письме» от 24 марта 1931 г. Престес писал о необходимости для всех революционно настроенных элементов понять, что, только признав политическое руководство пролетариата и его партии, они будут способны действительно бороться за смену существующего режима; что только пролетариат, как последовательно революционный класс, способен возглавить революцию. Главный вывод, к которому пришел Престес в своем письме, заключался в том, что к победе революции есть один путь — путь «аграрной и антиимпериалистической революции при обязательной гегемонии пролетариата, компартии Бразилии»⁷³. Революционная программа Престеса, разрабатываемая им с 1928 г., таким образом, окончательно оформилась весной 1931 г.⁷⁴.

Подъем рабочего движения, начавшийся в ноябре 1930 г., продолжался весь 1931 г. и весну и лето 1932 г. По данным бразильского коммуниста Отавио Брандао, с января 1931 г. по май 1932 г., т. е. за 17 месяцев, в Бразилии произошло 90 крупных забастовок. При этом, если в 1931 г. было 56 стачек, на каждую из которых приходилось в среднем по 1724 рабочих, то за 5 месяцев 1932 г. в 34 стачках участвовало 124 930 человек, т. е.

⁷¹ См. речь делегата Бразилии на 8-й сессии ЦС Профинтерна. — «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 1—2, стр. 183.

⁷² Там же.

⁷³ A. Bastos. Prestes..., p. 265.

⁷⁴ Луис Карлос Престес прошел к началу 30-х годов большой и сложный жизненный путь от участника военных заговоров до последовательного борца-революционера, стойкого марксиста-ленинца, руководителя освободительной борьбы всего бразильского народа. В 1934 г. Престес официально вступил в ряды Коммунистической партии Бразилии. Весной 1935 г. он был единогласно избран почетным председателем созданного по инициативе КПБ Национально-освободительного альянса. На VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. Престес избирается членом Исполкома Коминтерна. С 1943 г. до настоящего времени Луис Карлос Престес является генеральным секретарем Коммунистической партии Бразилии.

в среднем на каждую стачку приходилось до 4 тыс. рабочих, или вдвое больше, чем в 1931 г.⁷⁵

Стаечное движение охватило всю страну, но основная масса бастующих, естественно, приходилась на промышленно наиболее развитые штаты — Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Минас-Жераис и др. Более половины всех забастовок за эти годы произошло в штате Сан-Паулу. Наиболее крупным выступлением пролетариата была 70-тысячная забастовка рабочих-текстильщиков Сан-Паулу зимой 1931/32 г. Рабочие требовали повышения зарплаты, выполнения декрета о 8-часовом рабочем дне, признания их профсоюза и т. д. Волнения имели место на всех крупнейших предприятиях штата.

Именно в это время бразильские рабочие впервые попытались объединить свои силы с мелкой городской буржуазией и революционно настроенными солдатами. 4 октября 1931 г. в Нитерое (близ Рио-де-Жанейро) рабочие напали на полицейские казармы. Восставшие захватили тюрьму, центральный полицейский участок, казармы. В ряде городов рабочие и солдаты выступали совместно. Например, 3 июня 1931 г. в г. Терезина (столица штата Пиауи) восстали солдаты 25-го батальона, к ним примкнули бедные горожане, рабочие⁷⁶. Недовольные плохим питанием, жестоким обращением и задержкой на 4 месяца выплаты жалования, солдаты выступили против своих командиров и убили нескольких офицеров. Был организован солдатский революционный комитет. Однако он не сумел установить связь с широкими массами трудящихся, и это героическое выступление окончилось поражением⁷⁷.

В октябре — ноябре 1931 г. в г. Ресифе произошло самое крупное за этот период выступление в бразильской армии. Вначале восстал кавалерийский полк, против которого Варгас послал 10 бомбардировщиков⁷⁸. Однако не успели подавить это выступление, как в городе восстал 21-й пехотный батальон. Обезоружив офицеров и захватив казармы, восставшие двинулись в рабочие кварталы, где к ним присоединились рабочие и бедные горожане. **«В течение трех дней пригороды были во власти борющихся солдат и рабочих.** Электрические, телеграфные и телефонные провода были перерезаны»⁷⁹. Для подавления восстания Варгас мобилизовал войска 3 штатов. Более 36 часов шли бои, с обеих сторон было много убитых и раненых. Рабочие и солдаты г. Ресифе сражались, выдвигая лозунги: «Да здравствует революция! Да здравствует Коммунистическая партия Бразилии! Долой империалистов!». Только после длительной и ожесточенной борьбы восстание было подавлено.

В это же время в штате Пиауи выступили с оружием в руках солдаты гарнизона и рабочие, которые сумели продержаться у власти около недели. Руководил восстанием ефрейтор Карнио, который позднее примкнул к компартии. Однако рабочие и солдаты, захватив власть, не знали, что с ней делать, в результате чего и это выступление также потерпело поражение.

Мощный подъем рабочего движения и усиление революционного движения в бразильской армии сопровождались ростом крестьянских выступлений.

Положение крестьян в Бразилии было очень тяжелым. В деревне преобладали полуфеодалные и даже полурабские отношения. 6 млн. крестьян (не считая членов семей) вообще не имели ни клочка земли и вынуждены были либо арендовать землю у помещика, либо наниматься батра-

⁷⁵ O. Brandão. The Strike Wave in Brazil.— «International Press Correspondence», 1933, № 1, p. 10. В журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» (№ 1 за 1933 г., стр. 97) приводятся несколько иные данные: в 1931 г.— 80 стачек, 112,7 тыс. бастующих; в 1932 г. (за 5 месяцев) — 70 стачек, 134 тыс. бастующих.

⁷⁶ «The Times», 6.VI.1931.

⁷⁷ «The Times», 31.X.1931.

⁷⁸ «Manchester Guardian», 31.X.1931.

⁷⁹ «Правда», 15.XII.1931.

чить к тому же помещику. В то же время всего 9,8% всех земельных собственников владели 77,2% обрабатываемой земли. Особенно много земель (десятки и сотни тысяч га каждый) имели самые крупные латифундисты. В Федеральном округе, например, 3 помещика владели 42% всей земли⁸⁰. Вот почему бразильские коммунисты неоднократно подчеркивали, что концентрация земельной собственности в Бразилии не имеет себе равной ни в одной стране мира.

В 1929—1932 гг. крестьяне активизировали свою борьбу против помещичьего гнета. В штате Пернамбуку, например, 3 тыс. сельских рабочих и батраков, страдавших от голода и засухи, объединились и захватили силой продовольственные магазины и булочные⁸¹. В г. Арейе 1500 голодающих крестьян, батраков и рабочих напали на ярмарку. Полицейские отказались стрелять в них и братались с крестьянами⁸². В штате Сеара голодающие захватили в свои руки г. Жуасейро. В штатах Параиба, Баия, Пернамбуку, Риу-Гранди-ду-Норти и других крестьяне нападали на поезда, продовольственные склады и т. д.

В 1931 г. на плантациях крупного помещика Альбукерке Липс (штат Сан-Паулу) вспыхнула стачка колонов, которая перекинулась и на соседние плантации близ г. Пирасикаба. В мае 1932 г. бросили работу батраки на плантациях штата Сан-Паулу. Этой забастовкой руководили коммунисты. Они же возглавили борьбу крестьян в Сан-Гонсалу (штат Рио-де-Жанейро). Усилилось движение ряда индейских племен, которые захватывали земли крупных латифундистов и разоряли их имения⁸³. В штатах Сан-Паулу, Санта-Катарина и Парана движение охватило свыше 100 тыс. бедных крестьян и батраков.

Войска, которые Варгас посылал для борьбы против крестьянских выступлений, отказывались стрелять по безоружным крестьянам. В «Известиях» сообщалось о таком случае: «В штатах Мараньян, Параиба, Сеара и Парана крестьяне захватили и поделили земли помещиков. Правительство послало военные карательные отряды. В штате Пиауи батальон солдат взбунтовался и перешел на сторону крестьян. Взбунтовавшиеся заняли главный город штата и арестовали представителей местной власти. Прибывшими в подкрепление правительственными войсками восстание было подавлено и весь взбунтовавшийся батальон был расстрелян»⁸⁴.

Основной слабостью крестьянского движения в эти годы была его крайняя неорганизованность и стихийность. Тесных связей с рабочим классом у крестьян не существовало, а работа компартии в деревне, по словам самих бразильских коммунистов, находилась еще фактически в зачаточном состоянии⁸⁵. Подъем рабочего и крестьянского движения после октября — ноября 1930 г. не привел, таким образом, к образованию прочного классового союза рабочих и крестьян.

Тем не менее, несмотря на крупные поражения и неудачи, широкие массы трудящихся приобрели богатый опыт политической борьбы. Особенно ценен был этот опыт для пролетариата и его партии. Рабочий класс Бразилии постепенно стал освобождаться от мелкобуржуазных иллюзий и начал выдвигаться на арену политической борьбы как самый революционный и организованный класс. Этот процесс, начавшийся еще в период революционного подъема 1918—1923 гг., в начале 30-х годов развивался особенно интенсивно. Он завершился в основном уже в ближайшие после кризисные годы, ярким свидетельством чего явилось создание Национально-освободительного альянса и Ноябрьское вооруженное восстание 1935 г.

⁸⁰ «Recenseamento do Brasil...», vol. II, 2^a parte, p. V; vol. IV, 5^a parte, p. XV.

⁸¹ «Известия», 19.VIII.1931.

⁸² «Латинская Америка», 1931, № 3(17), стр. 5.

⁸³ «Аграрные проблемы», М., 1933, № 7—8, стр. 7—8; «Красный Интернационал профсоюзов», 1931, № 17—18, стр. 87.

⁸⁴ «Известия», 19.VIII.1931.

⁸⁵ «Красный Интернационал профсоюзов», 1932, № 1—2, стр. 183.

Подводя некоторые итоги, надо прежде всего отметить, что обострение классовой борьбы в Бразилии в годы мирового экономического кризиса привело к значительной перегруппировке политических сил внутри страны. Своеобразие этой борьбы заключалось в том, что одной из буржуазно-помещичьих группировок («Либеральный альянс») удалось использовать в своих интересах недовольство народных масс правлением другой группировки («паулисты»-консерваторы), скомпрометировавшей себя за многолетний период пребывания у власти. Маскируя свои реакционные цели лозунгами «либеральной революции», деятели «Альянса» с помощью групп мелкобуржуазных революционеров смогли увлечь за собой значительную часть трудящихся и направить революционную энергию масс в русло «антипаулистского» движения.

В результате ожесточенной борьбы в 1930 г. к власти в стране пришел коалиционный блок Варгаса, поддержанный американскими империалистами. Победа проамериканской группы Варгаса и установление свирепой военной диктатуры свидетельствовали не только о слабости буржуазно-помещичьей олигархии Сан-Паулу, но и о неспособности правящих кругов Бразилии управлять «по-старому». «Либеральная революция» 1930 г. должна была предотвратить нарастающий революционный подъем масс. Она явилась фактически превентивным контрреволюционным переворотом, направленным против народа и совершенным для того, чтобы сохранить и укрепить буржуазно-помещичий строй в стране.

Свергнув правительство В. Луиса и захватив власть, либералы и «тенентисты» не только отказались от осуществления тех лозунгов, при помощи которых они вели за собой массы, но и приступили к открытому подавлению революционного движения рабочих и крестьян, установив жестокую военную диктатуру.

Победа группировки Варгаса означала сохранение в Бразилии старого эксплуататорского строя, при котором капиталисты и помещики угнетали широкие массы трудящихся. Эта победа дала также возможность США усилить свою экспансию в Бразилии, потеснить здесь еще более своего основного конкурента — Англию, захватить в свои руки новые ключевые позиции в экономике страны. Возросло участие монополий США в расширении природных богатств, в эксплуатации рабочих и крестьян Бразилии.

Бразильский народ извлек серьезный урок из этих событий. Выявление подлинной реакционной и антинародной сущности «Либерального альянса» помогло трудящимся Бразилии, и прежде всего бразильскому пролетариату, осознать противоположность своих интересов интересам буржуазно-помещичьих кругов, понять необходимость самостоятельной политической борьбы. Пройдя суровую школу классовых боев 1929—1932 гг., бразильский пролетариат становится в последующие годы крупной политической силой, способной возглавить общенациональное движение против империализма и феодализма.

